

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

А.А. Горелов

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9293

РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» И ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Аннотация. В статье сопоставляется перерождение героя романа «Воскресение» с «духовным рождением» самого Толстого и с тем философским осмыслением «пограничных ситуаций», которые представили экзистенциалисты. Делается вывод о сущностной тождественности описанного в романе поведения героя Толстого с той структурой поведения человека в пограничной ситуации, которую отразили в своих работах экзистенциалисты. Данная тождественность не результат заимствования, а следствие самих объективных процессов. В целом, структура этического выбора (или «духовного рождения», по Толстому) состоит из следующих этапов: решающее воздействие, пограничная ситуация, осознание греховности, раскаяние, отчаяние, осознание этического выбора, этический выбор (из которого, как из точки бифуркации, следуют три возможности: уход из жизни, возвращение в прежнюю жизнь, переход к новой жизни), духовное рождение, распятие, воскресение. Представленная структура является результатом синтеза представлений С. Кьеркегора («Или — или»), К. Ясперса («Пограничная ситуация») и Л. Толстого («Исповедь», «Воскресение»).

Ключевые слова: Толстой, человек, раскаяние, отчаяние, осознание, решимость, этика, выбор, распятие, воскресение.

Последним периодом своей жизни Толстой считал тот, который начался после «духовного рождения» и «пробуждения к истине»¹. В этот период в канун XX столетия и написан роман «Воскресение». Если ранее писательская деятельность была главной для Толстого, то в последний период основное внимание Льва Николаевича занимало обоснование своих взглядов в религиозно-философских произведениях, а его художественные творения иллюстрировали и отображали эти взгляды. Целью «Воскресения» стало показать, как человек приходит к новой жизни и к каким личностным изменениям это ведет. Толстой как бы посмотрел в этом романе на самого себя со стороны и сказал то, что не мог сказать о себе напрямую (например, о воскресении). Мы сопоставим эволюцию Нехлюдова с эволюцией самого Толстого и с анализом данного процесса в творчестве экзистенциалистов и религиозных философов XIX-XX вв.

1. Непробужденный человек: «живой в гробу»

«Цели можно достигнуть лишь посредством движения»². Нас интересует путь, пройденный героем романа Дмитрием Нехлюдовым от начала до его зафиксированного в названии романа воскресения и путь самого Толстого. С чего начинается этот путь и чем заканчивается? «Исходным пунктом движения является таким образом собственное «я» индивидуума, конечной целью его то же самое «я», а ареной движения — внешний мир, окружающий индивидуума»³. Первое «я» — это «я» не пробужденного к истине человека, можно сказать, ничто, из которого (как Бог из ничего создал мир) вырастает второе, вечное «я», Абсолют, имеющий бесконечное значение, что и позволяет говорить о восхождении к высшей точке — воскресению.

В отношении самого себя первое «я» Толстой безжалостно разоблачил в «Исповеди» за два десятилетия до «Воскресения». В романе жизнь

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1928-1964. Т. 34. С. 348.

² Кьеркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 306.

³ Там же. С. 307.

Нехлюдова в принципе мало чем отличается от описанной Толстым в «Исповеди» (если не считать придуманной сцены встречи Дмитрия с Масловой в суде и других обстоятельств личной жизни героя). Нехлюдов ведет праздную жизнь светского человека, которая «становится в конце концов бременем для всякого»⁴, но не у всех соединяется со жгучими угрызениями совести, которые присущи Толстому и его герою. Обстоятельства личной жизни влияют на последующую духовную трансформацию человека, но не детерминируют ее. Они могут быть разными, но сам путь, по которому прошли Толстой и Нехлюдов, в главных пунктах одинаков. Это определяется, помимо всего прочего, тем, что, как утверждал Толстой, дух един во всех людях, а Кьеркегор называл «общечеловечностью». Тем не менее этот «узкий путь» находят немногие.

В людях, по Толстому, борются два человека. «Один духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, а другой — животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира»⁵. Мы знакомимся с молодым Нехлюдовым, когда он понял «всю жестокость и несправедливость частного землевладения, и, будучи одним из тех людей, для которых жертва во имя нравственных требований составляет высшее духовное наслаждение, он решил не пользоваться правом собственности на землю и тогда же отдал доставшуюся ему по наследству от отца землю крестьянам... этот поступок его привел в ужас его мать и родных и был постоянным предметом укора и насмешки над ним его родственников»⁶. Такая же одухотворенность была присуща и Катюше в период ее знакомства с Нехлюдовым. Она выражалась в «...чистоте девственности любви не только к нему, — он знал это, — но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что есть в мире»⁷. Такая же всеобщая любовь и у Платона Каратаева.

Но петербургская и военная жизнь Нехлюдова, вызвав в нем «сумасшествие эгоизма», привели к тому, что он, веря другим, а не себе, стал считать своим настоящим не «свое духовное существо», а «свое здоровое, бодрое, животное я» и решать «против духовного и в пользу животного я»⁸. Про-

изошло это прямо-таки по доктрине бихевиоризма: «... веря себе, он всегда подвергался осуждению людей, — веря другим, он получал одобрение людей, окружавших его»⁹. В это время после «ночи светло-христового воскресения» и сделалось то «ужасное дело», которое Нехлюдов осознал, как «что-то очень дурное... что... нужно поправить, и поправить не для нее, а для себя»¹⁰. За полвека до Толстого Кьеркегор поставил дилемму: «с одной стороны весь мир, с другой — он сам, его душа, — от чего ему отказаться и что выбрать?»¹¹. Нехлюдов сначала выбрал мир, а потом свою душу.

Борьба внутри человека между духовным и животным — предпосылка духовного рождения, но не известно произойдет ли оно, так как у индивида есть свободная воля. Решают дополнительные обстоятельства и собственное волевое усилие.

2. Решающее воздействие

Дополнительные обстоятельства, которые, вторгаясь в жизнь, переворачивают ее, можно назвать решающим воздействием. Для самого Толстого таковым стал троекратный ужас, переживание смертности. «Свою смерть я не могу узнать, я могу испытывать только по отношению к ней — головные боли, страх смерти, могу пережить ситуацию, казалось бы неизбежной смерти и вынести опасность: неизведываемость смерти неустраима»¹². Случившееся с ним Толстой описал в неоконченном произведении «Записки сумасшедшего», которое начал писать в 1884 г и к которому неоднократно возвращался. «Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать... «Чего я тоскую, чего боюсь?» — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут»... Она придет, вот она, а ее не должно быть... Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть... Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь... И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная... Я давно, лет двадцать, не молился и не верил ни во что, хотя для приличия говел каждый год. Я стал молиться»¹³.

После «арзамасского ужаса» Лев Николаевич стал посещать церковь, но роптал на Бога — по-

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 58.

⁶ Там же. С. 3, 48-49.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Кьеркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 263.

¹² Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 129.

¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 469-470.

чему он заставляет так мучиться человека и не открывает ему тайны смерти. «И потом начал жить по-прежнему; но страх этой тоски висел надо мной с тех пор всегда... И я стал набожен»¹⁴. «Арзамасский ужас» повторился в Москве. «Всю ночь я страдал невыносимо. Опять мучительно разрывалась душа с телом. «Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь?.. Бог сделал это. Зачем? Говорят: не спрашивай, а молись... «Если ты есть, открой мне: зачем, что я такое?»... И я давал себе ответы заместо того, кто не хотел отвечать. Затем, чтобы жить в будущей жизни, отвечал я себе. Так зачем же эта неясность, это мученье? Не могу верить в будущую жизнь»¹⁵.

Затем последовал третий случай — в лесу, во время которого «я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать Бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с ним нельзя, что он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить его прощения и сам себе стал гадок... С тех пор я начал читать Священное писание... И вдруг меня просветила истина того, что мужики так же хотят жить, как мы, что они люди — братья, сыны Отца, как сказано в Евангелии. Вдруг как что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось... Это было начало моего сумасшествия. Но полное мое сумасшествие началось еще позднее»¹⁶. Как-то после церковной службы Толстой увидел нищих. «И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздражения, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем свет осветил меня, и я стал тем, что есть. Если нет этого ничего, то нет прежде всего во мне. Тут же на паперти я раздал, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищим и пошел домой пешком, разговаривая с народом»¹⁷. Решающим воздействием может быть смерть близкого, страдания, борьба, вина. «Возможна более глубокая ясность, лежащая в основе неутолимой боли», — пишет по этому поводу К. Ясперс¹⁸.

Для Нехлюдова решающим воздействием стало присутствие в качестве присяжного заседателя

на процессе Масловой, когда он вновь через десять лет увидел девушку, которую когда-то любил, соблазнил и бросил. «Эта удивительная случайность напомнила ему все и требовала от него признания своей бессердечности, жестокости, подлости, давших ему возможность спокойно жить эти десять лет с таким грехом на совести»¹⁹. Произошло это через три месяца после смерти матери Дмитрия. Не надо думать, что именно внешние обстоятельства имеют решающее значение. Не меньшую роль играет личность, на которую они обрушились. Зная предшествующую жизнь Нехлюдова, мы можем предположить, что он был готов к изменению своей жизни, а решающее воздействие стало спусковым крючком.

3. Пограничная ситуация

Решающее воздействие создает «пограничную ситуацию». В ней человек находится между прежней жизнью и смертью — или реальной, или как переходом к новому рождению, рождению духовного человека. Ситуации «что я не могу жить без борьбы и страдания, что неизбежно беру на себя вину, что должен умереть, я называю пограничной»²⁰. В пограничной ситуации личность выходит за пределы среднего обыденного человека, названного Мап. В ней открывается истина и ложные сокрытия оказываются невозможными. «В каждой пограничной ситуации я чувствую, как будто у меня выбивается почва из-под ног»²¹. В этот момент возникает «готовность к прыжку».

Затем происходят «три скачка». Первый заключается в «противопоставлении самого себя моему собственному Здесь-бытию как чужому»²². Дмитрий после встречи с Масловой в суде «не то, что решил, но всем существом почувствовал отвращение к той своей среде, в которой он жил до сих пор... Нехлюдов теперь уже не мог без неловкости и упрёка самому себе общаться с людьми этой среды»²³. Далее происходит второй скачок «из одиночества знающего самобытия в сознание своей возможной экзистенции»²⁴. Ясперс определяет озарение экзистенции как «философ-

¹⁴ Там же. С. 470.

¹⁵ Там же. С. 472.

¹⁶ Там же. С. 474.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 129.

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 65.

²⁰ Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 121.

²¹ Там же. С. 140.

²² Там же. С. 121.

²³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 246.

²⁴ Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 122.

ствующее мышление». Вот почему люди на этой стадии тянутся к философии и вот почему философствование стало после «духовного рождения» главным занятием Толстого. Слово «философия» встречается в романе в определенном смысле. Когда адвокат говорит Нехлюдову, что «подвести каждого из нас к лишению особых прав и местам не столь отдаленным — самое легкое дело», а тот задает вопрос: «Но если так и все зависит от произвола прокурора и лиц, могущих применить или не применить закон, так зачем же суд?», то адвокат хохочет в ответ: «Ну-с, это, батюшка, философия»²⁵. Наконец, человеку, осознавшему необходимость этического выбора, остается сделать третий скачок, «в котором возможная экзистенция обретает действительность... таким образом, что... из возможности самобытия как той, в которой я не создал себя, я прыгнул в действительность, в которой осознаю себя рожденным собой самому себе»²⁶.

Первый скачок можно разделить на три составляющие, в которых проявляются три свойства духа — сознание, совесть и воля. Это осознание греховности (здесь требуется, прежде всего, работа сознания), раскаяние (работа совести) и отчаяние (работа воли). Данные составляющие действуют не последовательно, а параллельно. Осознание греховности, раскаяние и отчаяние скорее не этапы, а компоненты единого процесса, рассмотренные с трех его сторон. Второй скачок можно назвать осознанием этического выбора (работа сознания и совести), а третий — этическим выбором (здесь решающее слово принадлежит воле). Рассмотрим отдельные компоненты пограничной ситуации более подробно.

4. Осознание греховности

Осознание греховности — себя, других людей, всего мира — часть первого скачка к «пограничной ситуации». Оно связано, прежде всего, с работой сознания. Толстой в этот период пишет «Исповедь», «О переписи в Москве (1882 г.)», «О жизни», «Так что же нам делать?» — первые работы после своего духовного рождения, в которых осознание греховности заставляет его обличать общественную ложь.

Льву Николаевичу была присуща глубокая внутренняя искренность, и этим качеством он на-

делил своего героя. «А помните, как вы говорили, что надо всегда говорить правду, и как вы тогда всем нам говорили такие жестокие правды», — напоминают Дмитрию. Осознание греховности было присуще молодому Нехлюдову. В случае с Катюшей в его душе шла борьба, но победил тогда животный человек. Встреча с Масловой на суде создала такое усиление осознания греховности, при котором духовный человек в Нехлюдове одолел животного.

В «пограничной ситуации» с глаз как бы спадает пелена и открывается истина. «Духовными очами» Нехлюдов увидел людей голыми. «... он представил себе Колосова нагим, с его животом в виде арбуза, плешивой головой и безмускульными, как плети, руками. Так же смутно представлялись ему и закрытые теперь шелком и бархатом плечи Софьи Васильевны, какими они должны быть в действительности. Но представление это было слишком страшно, и он постарался отогнать его»²⁷. Несокрытость — признак истины, а обнаженность людей — это символ греховности. Этот же прием «обнажения» Толстой использовал и в «Анне Карениной». Когда происходит осознание греховности, снимается «покров прелести». «Ясно было, что все то, что считается важным и хорошим, все это ничтожно или гадко, что весь этот блеск, вся эта роскошь прикрывают преступления... Да, единственное приличествующее место честному человеку в России в теперешнее время есть тюрьма!»²⁸. Отношение к невесте, к умершей матери — все предстало Нехлюдову в истинном свете ненатуральным и противным. «Он вспомнил, как в последнее время ее болезни он прямо желал ее смерти»²⁹.

Нехлюдов пересматривает всю свою жизнь: «весь во лжи, в самой страшной лжи, во лжи, признаваемой всеми людьми, окружающими его, правдой... Ах, эти деньги... Под предлогом, что деньги от матери, пользоваться богатством, которое считаешь незаконным»³⁰. Мысль о незаконном пользовании богатством мучила и самого Толстого. «... неужели я точно негодяй? — спрашивает себя Нехлюдов. «А то кто же?» — ответил он себе»³¹. «... в душе Нехлюдова не было больше дающей от-

²⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 238.

²⁶ Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 122.

²⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 97.

²⁸ Там же. С. 304.

²⁹ Там же. С. 99.

³⁰ Там же. С. 101-102.

³¹ Там же. С. 101.

дых темноты незнания»³². У Толстого ясперовский «покой неясности» дается лишь на время и связан с темнотой.

Вместе с собственной греховностью Нехлюдов осознает греховность государства со всей армией чиновников, «получающих жалованье за эту никому не нужную комедию»³³. Комедией в узком смысле является судебное заседание, в котором участвовал Дмитрий; в широком смысле — вся система государственной власти. Это толстовский ответ на вопрос: «Кто виноват?» Как Нехлюдов виноват в происшедшем с Катюшей, так весь высший класс виноват в том положении, в котором находится простой народ. Мысли Нехлюдова практически ничем не отличаются от публицистики самого Толстого. «Надо перестать лгать и сказать всю правду», — решает Нехлюдов на следующее утро после суда³⁴.

5. Раскаяние

Вместе с осознанием греховности приходит раскаяние в себе как природном существе, стремящемся к наслаждению. Раскаяние связано с осознанием греховности, но это работа совести, а не сознания. Оно должно быть настолько глубоким, чтобы обрести себя. «Личное «я» человека находится как бы вне его и должно быть приобретено им посредством раскаяния; это раскаяние выражает ведь его любовь к Богу и к своему «я»»³⁵. По сравнению с любовью к Богу, выражающейся в раскаянии, считает Кьёркегор, всякая другая — детский лепет. Раскаяние было ритуализировано в христианстве в обряде исповеди, которая, как и вера, «без дел мертва». «... не раскаяние, — пишет А.А. Зиновьев, — (и негодяи раскаиваются), а лишь искупающее действие зачтется тебе»³⁶.

О своем раскаянии Толстой говорит во многих публицистических произведениях, начиная с «Исповеди». Теперь он заставляет каяться Нехлюдова. Чувство стыда его герой испытывал и раньше. «Нехлюдов пустил ее и ему стало на мгновение не только неловко и стыдно, но гадко на себя. Ему бы надо было поверить себе, но он не понял, что

эта неловкость и стыд были самые добрые чувства его души, просившиеся наружу, а, напротив, ему показалось, что это говорит в нем глупость, что надо делать, что все делают»³⁷. В размышлениях Дмитрия после встречи с Катюшей в суде слова «стыдно и гадко» повторяются много раз. Отмечено, что слово «стыдно» — одно из наиболее употребляемых Толстым.

Но если стыд не смог предотвратить совершенные греха, он переходит в чувство вины. Поначалу Нехлюдов «все не покорялся тому чувству раскаяния, которое начинало говорить в нем. Ему представлялось это случайностью, которая пройдет и не нарушит его жизни... Но неумолимая невидимая рука держала его, и он предчувствовал уже, что он не отвертится... В глубине своей души он уже чувствовал всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни»³⁸. Наконец, Нехлюдову открылось, что «различие между ним, каким он был тогда и каким он был теперь, было огромно: оно было такое же, если не большее, чем различие между Катюшей в церкви и той проституткой, пьянствовавшей с купцом, которую они судили нынче утром»³⁹. Более того, он начинает испытывать чувство вины и перед другими заключенными, которых видит в тюрьме. И решает «покаяться перед Катюшей и загладить свою вину хотя женитьбой»⁴⁰.

6. Отчаяние

Третьей составляющей первого скачка в «пограничной ситуации» становится отчаяние. Это компонент воли, следствие ощущения невозможности изменить положение и себя. Как прежде, жить нельзя, но полностью перевернуть свою жизнь страшно. Ужасает прыжок через пропасть, и кажется, что перепрыгнуть не хватит сил. Толстой описал в «Исповеди», как он прятал от себя ружье, чтобы не застрелиться. Но через отчаяние приходит обретение истины, и чтобы обрести ее и себя, нужно захотеть отчаяния, как хотят наслаждения. Только оно способно разбудить волю преодолеть прошлое. Отчаяние может последовать сразу же за решающим воздействием, когда, например, человек оказывается перед лицом смерти, но не

³² Там же. С. 304.

³³ Там же. С. 123.

³⁴ Там же. С. 116.

³⁵ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 259.

³⁶ Зиновьев А.А. Евангелие от Ивана // Вопросы философии. 1992. №1. С. 57.

³⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 58-59.

³⁸ Там же. С. 77-78.

³⁹ Там же. С. 101.

⁴⁰ Там же. С. 129.

осознает греховности своей жизни и потребности раскаяния. «Это словно исчезновение экзистенции, когда перед лицом смерти я уже ничего не могу считать важным, но нигилистически прихожу в отчаяние... Для неограниченной воли к жизни... неизбежность смерти является причиной беспомощного отчаяния»⁴¹, «отчаяния небытия».

Но через «горнило отчаяния» (Кьёркегор) нужно пройти, чтобы духовно закалить себя. «Воистину умиротворить человека, привести его к истинному спокойствию может лишь отчаяние... отчаиваясь воистину, человек отчаивается, между прочим, и в самом себе, в своем «я»; но это «я» конечная земная величина, тогда как выбираемое им «я» — абсолютом»⁴². Если же человек после отчаяния не придет к «этическому выбору», значит отчаяние его не было истинным. «Только в отчаянии обретается уверенность в бытии. Наше сознание бытия имеет такой характер, что есть только тот, кто смотрит смерти в лицо. Собственно тот является самим собой, кто рисковал собой как явлением», — делает вывод Кьёркегор⁴³.

Нехлюдов не раз приходил в отчаяние, «испытывая какое-то странное чувство тоски, сознания своего бессилья и разлада со всем миром; нравственное чувство тошноты, похожее на качку на корабле»⁴⁴. Вспомним, что один из романов Ж.-П. Сартра назывался «Тошнота». После встречи с Катюшей в суде Нехлюдов понял, что «никогда он еще не доходил до такого загрязнения, до такого разлада между тем, чего требовала его совесть, и той жизнью, которую он вел, и он ужаснулся, увидев это расстояние. Расстояние это было так велико, загрязнение так сильно, что в первую минуту он отчаялся в возможности очищения»⁴⁵.

Отчаяние вызывали и колебания. ««А вдруг все это я выдумал и я буду не в силах жить этим: раскаюсь в том, что я поступил хорошо», — сказал он себе, и не в силах ответить на эти вопросы, он испытывал такое чувство тоски и отчаяния, какого он давно не испытывал»⁴⁶. Но приближался второй скачок — осознание этического выбора.

7. Осознание этического выбора

Осознав необходимость идти «узким путем», человек отвечает на вопрос: «Что делать?» С христианской точки зрения, это можно интерпретировать как стяжание Святого Духа, столь же важное, как и спасение бессмертной души. Называя выбор этическим, Кьёркегор имеет в виду, что он не может не определяться нравственным императивом. «Истинное этическое воззрение на жизнь требует от человека исполнения не внешнего, а внутреннего долга к самому себе, к своей душе, которую он должен не погубить, но обрести»⁴⁷. Перефразируя известное выражение «познай самого себя», можно сказать «выбери самого себя». «Познание самого себя не есть еще венец душевной деятельности этика, но лишь плодотворное начало, создающее затем истинного человека»⁴⁸. Это выполнение евангельского завета «Человек должен переродиться». «Человек, сделавший этический выбор своего «я»... стремится к облагораживанию, урегулированию, образованию, всестороннему развитию своего «я», иначе говоря — к равновесию и гармонии души, являющимися плодом личного самоусовершенствования»⁴⁹. На нравственное самоусовершенствование как цель человеческой жизни многократно указывал и Толстой.

Для Нехлюдова осознанием этического выбора стало желание полностью изменить свою жизнь, жениться на Катюше и отправиться вместе с ней в Сибирь, отдав землю, которой он владел, крестьянам. ««Да, чувствовать себя не хозяином, а слугой», — думал он и радовался этой мысли»⁵⁰. Осталось только осуществить задуманное. «С завтрашнего дня новая жизнь», — записывает Нехлюдов в своем дневнике⁵¹.

8. Этический выбор

Этический выбор — это третий скачок в «пограничной ситуации», точка бифуркации, говоря языком синергетики, что, кстати, свидетельствует, что синергетические модели работают и в человеческом обществе, которое так же развивается стохастически как неживой и живой мир. В био-

⁴¹ Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2. С. 129.

⁴² Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 255, 261.

⁴³ Там же. С. 131.

⁴⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 143-144.

⁴⁵ Там же. С. 103.

⁴⁶ Там же. С. 289.

⁴⁷ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 289.

⁴⁸ Там же. С. 292.

⁴⁹ Там же. С. 295.

⁵⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 226.

⁵¹ Там же. С. 326.

логии используется аналогичный выбору термин «отбор» (в английском языке выбор и отбор обозначаются одним словом).

Синергетика предполагает три варианта выбора: распад системы, возвращение ее в прежнее состояние и создание системы более высокого уровня. В человеческом обществе выбор предполагает тоже три варианта: добровольный уход из жизни, возвращение к прежней жизни и духовное рождение, благодаря которому личность приобретает бесконечное значение. Это как надпись на камне, встречающемся витязю на распутье: направо пойдешь — умрешь, налево пойдешь — вернешься обратно, прямо пойдешь — будет очень трудно, но если все преодолеешь, станешь прекрасным вечным существом. И витязь, если он действительно таковой, должен пойти прямо.

Вот как определяет значение выбора Кьёркегор. «Искренность выбора просветляет все существо человека. Он сам как бы вступает в непосредственную связь с вечной силой, проникающей все и вся. Такого просветления или духовного крещения не знавать никогда тому, кто выбирает лишь в эстетическом смысле»⁵². Выбор делает человека самим собой как духовным существом, но возлагает на него ответственность за всякое свое слово и дело и обуславливает каждый последующий выбор в жизни человека.

Толстой в «Исповеди» пишет о своем сильнейшем желании покончить с собой. Это вариант, когда человек не может продолжать старую жизнь, но не знает или не имеет сил начать новую. Что же касается возвращения к прежней жизни, то возможны ситуации, когда человек начинает новую жизнь, частично в чем-то продолжая старую. Это относится и к самому Толстому, который полностью порвал со старой жизни только уйдя из Ясной Поляны.

Нехлюдову сделать этический выбор помогли свойства его характера — сильная воля и стремление к самопожертвованию. Желая жертвовать жизнью, пишет Толстой, Нехлюдов поступил во время войны в военную службу. Как и Толстой, Нехлюдов делает свой этический выбор. «Как ни ново и трудно было то, что он намерен был сделать, он знал, что это была единственная возможная для него теперь жизнь, и как бы ни привычно и легко было вернуться к прежнему, он знал, что это была смерть»⁵³.

Кьёркегор подчеркивал, что «лишь в этическом взгляде на жизнь можно найти успокоение от мучительных сомнений в своих личных и чужих правах на жизнь и счастье»⁵⁴. Сделав свой выбор, Толстой и Нехлюдов душевное успокоение нашли. Впервые начав писать свои воспоминания в мае 1878 г. вскоре после своего «духовного рождения», Толстой отмечал: «Я нахожусь только теперь, не более, как год, в таком душевном состоянии спокойствия, ясности и твердости, в каком я до сего никогда в жизни не был»⁵⁵.

Момент выбора Нехлюдова описан так: «Но тут же он почувствовал, что теперь, сейчас, совершается нечто самое важное в его душе, что его внутренняя жизнь стоит в эту минуту как бы на колеблющихся весах, которые малейшим усилием могут быть перетянуты в ту или другую сторону. И он сделал это усилие, призывая того Бога, которого он вчера почувствовал в своей душе, и Бог тут же отозвался в нем»⁵⁶. Когда он сделал этический выбор, «Бог, живший в нем, проснулся в его сознании. Он почувствовал себя им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра»⁵⁷.

9. Духовное рождение

Это рождение в духе или «от духа». Еще может быть борьба с собой, как показано в «Отце Сергии», но пути назад нет. Человек духовно рождается в результате выбора, осененный мужеством и решимостью стать другим. «... индивидум становится беременным самим же собой и затем самого же себя рождает»⁵⁸. Рождается подлинный человек, находящийся внутри человека. Индивид выбирает себя внутреннего, истинного себя. «Познав самого себя и выбрав самого себя, индивидум может приступить к воплощению в себе своего идеального «я», причем, однако, должен твердо помнить, что это маленькое «я» находится... в нем же самом... Итак, идеальное «я» не есть действительное «я» — оно лишь прообраз, который сначала стоит как бы вне, впереди человека, по мере же того, как последний становится его воплощением, все более и более бледнеет и

⁵² Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 205.

⁵³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 290.

⁵⁴ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 303.

⁵⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 496.

⁵⁶ Там же. С. 150.

⁵⁷ Там же. С. 103.

⁵⁸ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 292.

стусшевывается, пока наконец не ляжет позади человека как увядшая возможность»⁵⁹.

В понятии «духовного рождения» важно, что имеется в виду под духом. В «Войне и мире» Толстой вывел формулу, определяющую силу войска: масса (количество сражающихся), помноженная на дух, «т.е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасности всех людей, составляющих войско»⁶⁰. После «духовного рождения» мотив самопожертвования в понимании духа остается, но само оно наполняется христианским содержанием (духовное Толстой называет божественным). Жертвовать собой Лев Николаевич призывает теперь ради осуществления божественных заповедей, как пожертвовал собой Христос. С понятием духа теперь связывается распятие и воскресение. Как пишет Р. Бульман, ап. Павел представлял себе дух как нечто такое, обладание которым гарантирует воскресение и интерпретировал его «как заключенную в вере фактическую возможность новой жизни... подлежащую осуществлению в результате решимости»⁶¹.

В понятии «духовная культура» проступает такое свойство духа, как «полнота знания», в дилемме: «духовный — бездуховный» подчеркивается такое свойство духа как «полнота человечности» (термины К. Ясперса), в словосочетаниях «окрепнуть духом», «набраться духа» (противоположное: «сломленный дух», «слабый дух») имеется в виду волевое начало. Поздний Толстой употребляет понятие духа скорее в первом и во втором значении. Духовным он называет того человека, который поднялся от эгоизма и угождения плоти до любви ко всем людям и укреп решимостью начать новую жизнь по закону любви. Лев Николаевич отмечает в романе два свойства, противоположные духу — «тупой и лишенный нравственного чувства»⁶².

Так как дух во всех людях один и тот же, то «задачей этика является воплощение в себе «общечеловеческого»»⁶³. Однако при этом все индивидуальное в человеке сохраняется. ««Общечеловеческое», таящееся в конкретности каждого индивидуума, выступает из нее и затем очищает

и просветляет ее, благодаря акту отчаяния»⁶⁴. Сделав выбор, человек должен оставаться «при всей своей обособленности от действительного мира, абсолютно связанным и тождественным с ним... Целью истинного этика является, таким образом, не одно его личное, но и социальное и гражданское «я»»⁶⁵.

Поэтому после «духовного рождения» Нехлюдов чувствовал, что ему должно разбудить Катюшу духовно. Сейчас модно выражение «ничего личного», которое употребляют, оправдывая неприятности, доставляемые другим людям. А Толстой употребляет его в противоположном смысле: «он ничего не желал себе от нее, а желал только того, чтобы она... пробудилась и стала такую, какую она была прежде»⁶⁶. Здесь Толстой намечает задачу, которую должны решать люди в общении друг с другом — способствовать в любви духовному пробуждению находящихся рядом. Стремление к общечеловеческому привело к сближению Нехлюдова с политзаключенными. «Личная жизнь сама по себе отчуждает индивидуума от людей и поэтому несовершенна, очищает и облагораживает ее лишь гражданское самосознание человека»⁶⁷.

Духовно родившись, человек живет поистине, а не является мертвой душой, или, как писал Толстой в трактате «О жизни», «живым в гробу». Когда человек духовно рождается, ему «предстоит родить не другого человека, а самого себя... В эту серьезную, знаменательную минуту человек заключает вечный союз с вечной силой... т.е. в действительности сознает свое вечное и истинное значение, как человека»⁶⁸. Духовное рождение не делает человека другим, оно делает его подлинным, самим собой. «Торжество духа ведет к тому, что все мелочные заботы и печали человека: недовольство жизнью, сознание ненужности и бесполезности своего существования — все исчезает само собою; раз человеческая личность сознает свое вечное и неизменное значение, она сознает и свое значение в земной жизни»⁶⁹.

Свое духовное рождение Толстой изобразил в «Исповеди» и в неоконченных «Записках су-

⁵⁹ Там же. С. 292-293.

⁶⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 122.

⁶¹ Бульман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 99.

⁶² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 296.

⁶³ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 294.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 285, 295.

⁶⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 150.

⁶⁷ Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993. С. 295-296.

⁶⁸ Там же. С. 248.

⁶⁹ Там же. С. 231.

масшедшего». В «Воскресении» он прослеживает более подробно ранее происшедшее с ним «духовное рождение», но при других обстоятельствах. Нехлюдов осознает, что совершил грех, и в нем пробуждается решимость исправить его. Это и есть проявление духа как решимости преодолеть не только данный грех, но греховность в целом, определяемую желаниями плоти, и начать истинную жизнь. Таково христианское понимание «духовного рождения». Духовно родившегося человека ждет распятие, но ему открывается путь к Воскресению.

10. Распятие

Христос воскрес после распятия на кресте. Крест и воскресение, утверждает Бультман, образуют единство, поскольку вместе представляют собой «космическое событие, в котором осуществляется суд над миром и создается возможность подлинной жизни»⁷⁰. Крестный путь составляет часть «узкого пути», ведущего к Воскресению. Верующий должен сначала сораспяться Христу, а потом совоскреснуть с ним.

Как этический выбор — это ответ личности обществу, так распятие — ответ общества личности, которая решила не быть усреднено-конформной. Своим выбором Толстой и Нехлюдов взбаламутили среду, к которой принадлежали, и последовала обратная реакция. После этического выбора путь к распятию предрешен, но оно зависит от обстоятельств: масштаба личности, обстановки, соотношения сил. Человек духовно рождается, когда выходит из себя в мир людей и обретает решимость начать новую жизнь. Потом надо победить страх в себе перед людской молвой и перед изменившимся отношением окружающих к себе, страх перед их насмешками и оскорблениями. А дальше распятие и воскресение.

Поскольку в буквальном смысле Толстого и Нехлюдова никто не распинал, то что понимать под распятием в данном случае? Что касается Толстого, то изменившееся отношение жены, большинства детей, близких, общественного мнения (хотя появились и последователи), преследования властей, постановление синода об «отлучении» — это аналог распятия. Для Нехлюдова распятие — это отвержение его окружающей средой, которая на

перемену в нем отвечает покровительственно-презрительным отношением, называет чудачком, дураком, оболтусом, не совсем здоровым и даже сумасшедшим. Нехлюдов попадает в положение Чацкого, пока наконец отношения не заканчиваются «с обеих сторон без сожаления». Но и отношения с теми, к кому он теперь тянется, тоже складываются непросто. Порой даже неловко читать некоторые строки романа (скажем, где Дмитрий расспрашивает должностное лицо о том, почему вынуждены страдать сектанты), как неловко было общаться с Нехлюдовым Катюше и другим после его духовного рождения. Глаза крестьян, когда он говорил, что отдает им землю, «опускались вниз как бы не желая стыдить его в том, что хитрость его понята всеми и он никого не обманет»⁷¹.

Вести жизнь вопреки интересам плоти обычному человеку нелегко. Большинство людей вокруг Нехлюдова считает, что и не надо. Сохраняя себя, он разрушает свои связи с бывшим окружением. Ему нравятся теперь те, кто так же, как и он, действует вопреки интересам тела, т.е. политзаключенные и старик-сектант. Когда речь заходит о правозащитной деятельности Нехлюдова, вспоминается из недавнего прошлого А.Д. Сахаров. Добавим к этому тяготы добровольного следования в Сибирь за заключенными с грубостью, к которой не привык Нехлюдов, лишение «самых первобытных удобств» и т.д. Но решимость этического выбора помогла пережить все. Нехлюдов выбрал «ясность боли» вместо «покоя неясности». Но и «отдых темноты незнания», как называет это Толстой, может привести к распятию. Рядом с Христом на крестах были два разбойника, сделавшие разный выбор. Последствия распятия стали для них диаметрально противоположными: один воскрес, а другой из темноты незнания ушел в пустоту небытия.

Что могло приключиться с Нехлюдовым после того, как Толстой оставил его? Скорее всего, он должен был начать поступать так, как ставшие ему близкими политзаключенные и сектанты. И если бы его деятельность стала бы общественно значимой и опасной для государства, то не миновать ему настоящих репрессий со стороны властей вплоть до казни. Самого Толстого не посмели тронуть, но его герой мог испытать карающую руку правительства по полной программе. Метафоричность распятия Нехлюдова в романе заставляет задуматься над тем, что такое воскресение.

⁷⁰ Бультман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Вопросы филологии. 1992. № 11. С. 110.

⁷¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 221.

11. Воскресение

В Новом Завете воскресение понимается как разрушение смерти и явление жизни и нетления. В соответствии с этим каждый верующий должен совершить «подобие воскресения» (Рим. 6:5). Причастность воскресению Христа — в свободе от греха, в отвержении дел тьмы. «... воскресение есть не что иное, как вера в спасительный смысл события креста, вера в крест как крест Христов»⁷². Название романа ориентирует на традиционное христианское понимание воскресения как попадание души умершего на небо, а затем его самого в рай в новом теле. На это наталкивает эпиграф романа из Евангелия от Луки: «Ученик не бывает выше своего учителя; но «и усовершенствовавшись» будет всякий, как учитель его» (Ев. от Луки. 6:40).

Христианская вера требует совоскресения, и Нехлюдов совершил его. Его падение произошло в пасхальный праздник, но через 10 лет свободное, духовное существо, «которое одно истинно, одно могущественно, одно вечно»⁷³, пробилось в Нехлюдове и сделало его личность бессмертной. Толстой оставил своего героя живым на Земле. Понимать ли здесь слово «воскресение» метафорически или как уверенность, что Нехлюдов воскреснет после смерти? Ни то и ни другое. Воскресение Толстой понимает как сохранение в вечности сознания человека, начавшего жить поистине, по словам Христа: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ев. от Иоанна. 5:24). Это не воскресение Христа, описанное в Евангелии как исчезновение умершего тела с последующим сообщением ангела, что оно вознесено на небо. Это пробуждение дремлющего сознания к истинному существованию (как изложил Толстой в трактате «О жизни»), обеспечивающее его переход после смерти в новое состояние вне нашего пространства и времени. Это новая жизнь по законам другого мира. Человек обретает бессмертие, как разбойник на кресте в последний момент уверовавший в Христа.

В отличие от Достоевского, который наказал Раскольникову после преступления раскаянием,

Толстой не только наказывает героя, но и обеспечивает его в соответствии со своими взглядами (которых не было у Достоевского) после раскаяния и духовного рождения воскресением при жизни. Нехлюдов воскресает к вечной духовной жизни, к которой изначально был причастен и вернулся снова. Путь воскресения — это путь возвращения к своему истинному состоянию, которое не в соответствии с окружающей действительностью, а в соответствии самому себе.

Нехлюдов до самого конца романа сомневается. ««Зачем он страдал? Зачем он жил? Понял ли он это теперь?» — думал Нехлюдов и ему казалось, что ответа этого нет, что ничего нет, кроме смерти, и ему сделалось дурно»⁷⁴. Но, наконец, ему открывается «самая простая несомненная истина» необходимости прощения, жалости и любви, при которых только и возможно высшее «благо — Царство Божие на земле»⁷⁵. В этом осознал Нехлюдов дело своей жизни.

Заключение

Представим «узкий путь» к воскресению в виде схемы:

осознание греховности
 Непробужденный человек → Решающее воздействие →
раскаяние, отчаяние
 → Уход из жизни
 Осознание этического выбора → Этический выбор →
 → Возвращение в прежнюю жизнь
 Духовное рождение → Распятие → Воскресение

Данная схема демонстрирует путь, по которому обладающий определенным набором духовных качеств человек под влиянием внешних обстоятельств приходит к воскресению. Это универсальный процесс внутренней трансформации личности, который может иметь различную интенсивность и результат, но един в общих чертах. Данную схему можно назвать экзистенциальной религиозно-философской, имея в виду, что часть до этического выбора принадлежит Кьёркегору, часть после духовного рождения — Бультману, пункт осознания этического выбора и общее представление о «пограничной ситуации» — Ясперсу, а понятие духовного рождения и изображение всей

⁷² Бультман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 112.

⁷³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 103.

⁷⁴ Там же. С. 439.

⁷⁵ Там же. С. 453.

последовательности в художественной форме — Толстому. Три скачка в «пограничной ситуации» идут именно в том порядке, который принял Ясперс, но отдельные этапы могут быть сжаты в большей или меньшей степени. Осознание этического выбора, по-видимому, может приходиться практически мгновенно в виде озарения, но этический выбор невозможен без осознания греховности, раскаяния и отчаяния.

Продолжая тему предыдущих произведений, Толстой в этом романе еще яснее показал, что война и мир не меняющиеся местами состояния, но что война постоянно идет в мире-пространстве и в этой непрерывной борьбе человек неминуемо выбирает и может сделать этический выбор. Роман «Воскресение» — нравственное творение проповеднического плана — остается третьим после «Войны и мира» и «Анны Карениной» по времени написания и значению для читателей. Там — многоцветье жизни, в которой каждый может найти себе место и любимых персонажей, на которых хочет походить; победа над врагом и любовь, которая если и закан-

чивается самоубийством, но оставляет ощущение счастья. Здесь «узкий путь» с сомнительными для большинства людей радостями, на который достаточно жестко призывает вступить автор. Но без этого романа Толстой как художник был бы неполон, и сам он не мог не считать его лучшим. Отнеся в трактате «Что такое искусство?» все свои произведения, кроме рассказов «Бог правду видит» и «Кавказский пленник», к дурному искусству, Толстой предпринял попытку написать крупное художественное произведение в соответствии со сформулированными им принципами хорошего искусства, показав, как человек приходит к воскресению. В рассказе «Бог правду видит да не скоро скажет» сюжет похож на «Воскресение»: герой раскаялся и сообщил о своем убийстве после того, как тот, кого он оклеветал и который из-за него пошел на каторгу, не выдал его. Но то — крошечный рассказик, а это развернутое масштабное полотно, заключающееся призывом следовать Евангелию. Толстой показал, как можно придти к «духовному рождению» и что оно дает человеку и человечеству.

Список литературы:

1. Бультман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Вопросы философии. 1992. № 11.
2. Зиновьев А.А. Евангелие от Ивана // Вопросы философии. 1992. № 1.
3. Кьёркегор С. Или — или. М.: Арктогея, 1993.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1928-1964.
5. Ясперс К. Пограничные ситуации // Эдип. 2007. № 2.

References (transliteration):

1. Bul'tman R. Novyy Zavet i mifologiya. Problema demifologizacii novozavetnogo provozvestiya // Voprosy filosofii. 1992. № 11.
2. Zinov'ev A.A. Evangelie ot Ivana // Voprosy filosofii. 1992. № 1.
3. K'yerkegor S. Ili — ili. M.: Arktogeya, 1993.
4. Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. v 90 t. M.: Gos. izdat. hudozhestvennoy literatury, 1928-1964.
5. Yaspers K. Pogranichnye situacii // Edip. 2007. № 2.